

АЛИСА ЛУЖИНА

ПИСЬМА

К

ОРФЕЮ

Сборник рассказов

17
Carlo Bollo - - - - - 7:13
D'Enzelle dall'ora per
conto delle spese - - - - - 22.8
37.1
alle Firme in carta di Bollo verso Pietro a Pietro.
Scarsiato uno de conti esistenti

Алиса Лунина
Письма к Орфею

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63346728

Аннотация

Сборник рассказов.

Содержание

Дети Марии	4
Письма к Орфею	45
Саша навсегда	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алиса Лунина

Письма к Орфею

Дети Марии

Подмосковье. Наше время

В перерыве между операциями заведующая акушерским отделением первого родильного дома Мария Петровна Арсеньева зашла в ординаторскую. Она стояла у стола и просматривала медицинские карты, когда ее мобильный телефон зазвонил.

– Здравствуй, Маша! – сказал мужской голос.

Мария мгновенно узнала этот голос и не то, что вздрогнула – содрогнулась. Она как подкошенная, рухнула в кресло. Сердце бешено колотилось. Это был голос с того света. Человек, с которым она сейчас говорила – Георгий Качарава – погиб двадцать два года назад.

– Ты умер, – растерянно сказала Мария.

– Иногда и мертвые возвращаются, Маша, – сказал Георгий. – Впрочем, как видишь, я жив.

Он рассказал ей, что много лет искал ее, даже нанял детектива, как в каком-нибудь шпионском фильме, и вот – на-

шел. «Маша, что же ты молчишь?» Она больно, до крови закусил губы, – что она может ему сказать?! «Я думала, что ты умер, а ты, оказывается, жив?! Как же так?! И что теперь делать мне?» Как тяжело дышать... Кажется, что земля уходит из под ног.

В кабинет заглянул врач – анестезиолог, но увидев ее лицо, вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Гера, я... не могу сейчас говорить, – выдавила Мария, – я... позвоню тебе. Потом.

– Хорошо, – сказал Гера, – ты можешь позвонить мне на номер, с которого я сейчас говорю.

Мария прервала разговор. Некоторое время она продолжала сидеть с телефоном в руках. Вошедший в кабинет ее коллега – доктор Стариков о чем-то спросил Марию, но тут же замолчал, – у сорокалетней заведующей отделением Первого родильного дома Марии Петровны Арсеньевой было совершенно белое, как мел, лицо.

– Мария Петровна, что с вами? Хотите, я вас заменю на операции? – предложил Стариков.

– Да, пожалуй, – сказала Мария. – Я, кажется, не здорова.

Мария шла по коридору больницы, не отвечая на приветствия коллег, не видя и не замечая ничего вокруг. Звонок из прошлого от человека, которого она столько лет считала погибшим, все перевернул в ее душе.

В больничном сквере она бессильно опустилась на ска-

мейку и долго сидела так в оцепенении; и только когда хлынул оглушительный июньский ливень, она поднялась и пошла к выходу из больничного городка, — медленно — словно не замечая дождя. Дождь вообще пошел вовремя — благодаря ему никто бы и не подумал, что эта хрупкая светловолосая женщина в синем платье — плачет; со стороны казалось, что по ее лицу текут дождевые капли.

Дверь Марии открыла ее средняя дочь — семнадцатилетняя Лиза.

— Мам, что с тобой? Ты промокла...

Мария прошла в свою комнату и легла на диван.

— А почему ты сегодня так рано? — спросила Лиза.

— Лиза, пожалуйста, забери сегодня Соню из садика. Мне что-то нездоровится, — попросила Мария.

— Ладно, — кивнула Лиза. — Ма, с тобой все в порядке?

— Со мной все в порядке. Просто болит голова. Иди, я посплю.

Когда дочь ушла, Мария взяла телефон и набрала номер, с которого ей сегодня звонил Георгий. Марии казалось, что звонок Геры ей пригрезился, что на самом деле его не было, и что сейчас она звонит в пустоту, как случалось много раз за эти годы, и ей никто не ответит.

— Да, Маша, — ответил Гера.

Вечером Лиза привела из садика младшую сестру – шестилетнюю Соню. Мария накормила Соню ужином, поставила ей диск с мультфильмами – пусть смотрит. Она все делала машинально, как в гипнозе.

– Мама, я ухожу, приду поздно, – предупредила Лиза.

Мария очнулась, взглянула на дочь – на лице боевой раскрас, футболка с вызывающей надписью, «рванные» джинсы – в дырах гуляет ветер, – кошмар. А на улице Лизу, конечно, ждет этот парень... Мария вздохнула – в последнее время с дочерью нет никакого сладу, как с цепи сорвалась. Запросто может заявиться под утро и без тени смущения сообщить, что она ночевала у этого своего... Вани.

– Лиза, у тебя экзамены! – напомнила Мария. – О чем ты думаешь?

Хотя зачем спрашивать, когда и так ясно, о чем, вернее, о ком, думает Лиза. Предмет ее размышлений зовется Ваня – лохматый, в ухе серьга, штаны на заднице болтаются, словно сейчас он их потеряет. Это что – достойный избранник?!

– Провалишь экзамены в институт, вот чем закончится эта дурацкая история! – устало заключила Мария.

– Мама, это не дурацкая история, – возразила Лиза. – У нас с Ваней – любовь!

– Ну, какая любовь? Какая любовь может быть в твоём

возрасте?! – Мария покачала головой и вдруг осеклась.

* * *

Абхазия. Сухуми. 1992 год

– Что у тебя с ним? – грозно спросила Ирина у дочери.

– Все! – просто сказала Маша.

Ирина так и села, схватившись за сердце. – Что – «все»?

Маша улыбнулась: – Любовь, мама!

– Да какая любовь в семнадцать лет? – заохала Ирина. – Вы оба еще дети!

– А Джульетте вообще было двенадцать! – хихикнула Маша.

Ирина пожала плечами:

– Ну, так ничего хорошего из той истории и не вышло. Главное, когда вы успели закрутить эту самую любовь?!

Когда успели?! С Герой Качарава Маша училась в одном классе, но до поры – до времени она не обращала на него внимания. Так, видела, что Гера – красивый мальчик, знала, что он хорошо учится, – да вот и все; они даже не общались. А в начале десятого класса, осенью, когда к ней на улице пристали взрослые парни и Гера за нее вступился, Маша

присмотрелась к нему и поняла, что он не такой, как все, – интересный, умный, прочел много книг, с ним есть о чем поговорить. В тот день домой они пошли вместе (жили на соседних улицах), и с того дня не расставались. «Ну что ты все время проводишь с этим Качарава?» – ворчала Ирина. «Он – не такой как все, он – особенный!» – улыбалась Маша.

Уже в июне, на выпускном вечере они сказали друг другу главные слова, и решили – вместе. Навсегда.

Ирине все это, конечно, не нравилось. Как мать, она хотела для своей единственной дочери – умницы и красавицы, лучшей судьбы и лучшего жениха. Против самого Георгия она, в принципе, ничего не имела – парень умный, воспитанный, красивый (тут она дочь понимала), и семья Качарава – уважаемые люди, но ее смущало, что он – другой национальности. Мать Геры – грузинка, отец – абхаз, а Маша из русской семьи; не скажутся ли потом эти национальные различия? Да и одобряют ли Герины родители отношения сына с русской девушкой? Пока что его мать – Тамара, даже не здоровается с Ириной – на улице всегда отворачивается, хотя знает, что Гера встречается с ее дочерью. Правда, отец Георгия – Давид Качарава неизменно приветлив, встретит – всегда улыбнется, расспросит о делах, но кто его знает, будет ли он доволен, если речь зайдет о том, чтобы им породниться? – Маруся, ты пойми, Гера – другой, – мягко заметила Ирина. – Другая культура, другие ценности, все – другое.

– Зато от смешанных браков родятся самые красивые дети! – рассмеялась Маша.

Ирина ахнула:

– Я тебе дам! Дети! Рано вам об этом думать. Сами еще дети. Ты и этот твой желторотый Гера. О будущем надо думать! Учиться!

Да, – о будущем надо думать. Но Маша думает, – она еще в восьмом классе решила стать врачом. В следующем году она будет поступать в медицинский институт, а уже с осени начнет работать в городской больнице. И Гера думает о будущем – через пару лет хочет поступить в институт; а пока, чтобы не сидеть на шее у родителей, он устроился в тот же автопарк, где водителем работает его отец.

– Так что, мама, извини, ты не права! Мы с Герой уже не дети, а взрослые самостоятельные люди, да!

– Взрослые! – снисходительно усмехнулась Ирина.

И все у Маши с Герой хорошо, но единственное, что беспокоит Машу – так это напряженные отношения с матерью Геры – Тамарой. Тамара на Машу смотрит волком, наверное, ей не нравится, что сын выбрал русскую.

Мать Геры – высокая, статная, в ее облике есть что-то царственное (недаром муж Давид называет ее «царица Тамара»). Она красива, но это какая-то тяжелая красота; у Тамары крупные черты лица, темные глаза – уголья (ее взгляд трудно выдержать), густые, длинные, иссиня-черные волосы.

Увидев Тамару в первый раз, Маша невольно подумала, что мать Геры похожа на колдунью из сказки (и тут же смутилась – нельзя так о матери любимого мужчины!) Маша Тамару побаивалась, чувствуя, что та ее на дух не выносит, но однажды не выдержала и прямо спросила:

– Тетя Тамара, я вам не нравлюсь?

Тамара ничего не ответила, но по ее глазам все и так было ясно. «Ты не подходишь моему сыну. И я никогда не смирюсь с его выбором. Мы сами найдем ему невесту». «Не сердись на мать, – как-то попросил Машу Гера, – в их семье так было принято – родители сами выбирают сыну невесту. Невесте – жениха». Да, у них так было принято, правда, сама Тамара когда-то ослушалась родителей, выбрав в мужья Давида. Ее грузинская родня возмутилась – замуж за абхаза?! Но Тамара была не из тех, кому можно что-либо диктовать и вышла замуж за Давида.

А вот отец Геры – Давид Качарава, Машу приветствует – улыбается, шутит. Давид как-то сказал Маше, что в нем самом много примеси русской крови – его бабушка была русской. И старший брат Геры – Сандро, к Маше хорошо относится, говорит, что Гера выбрал самую красивую девушку в Сухуми.

Ну а расположение суровой Тамары Маша все-таки надеялась заслужить со временем.

На земле стояло прекрасное лето, цвели сады. Вечерами Маша с Герой пропадали на море, часто задерживаясь на пляже до самой ночи. У них был укромный, потаенный уголок на каменистом берегу, где можно было, спрятавшись от всех – купаться, болтать, целоваться.

Маша часами могла смотреть на Геру. У Геры – темные волнистые волосы и глаза удивительного цвета – не черные, а чайные, красивые очерченные губы и смуглая, бронзовая кожа. Гера прекрасно сложен, его кожа пахнет морем и солнцем. Когда Гера целует ее, – Маша чувствует, что сходит с ума, и внутри у нее словно перекатываются какие-то волны, ударяя в низ живота. В последние дни им становится все труднее остановиться, чтобы не перейти запретную грань, все труднее оторваться друг от друга.

И однажды Маша сама сказала Гере – не останавливайся! Пусть все будет. Они застыли на краю пропасти – и – полетели.

...Она зашла в море, и море омыло ее кровь. Маша плыла, рассекая волны, чувствуя гордость и счастье от того, что она стала женщиной.

Потом, правда, она испугалась и, выйдя на берег, спросила Геру: – А что мы будем делать, если я забеременею?

– Поженимся! – сказал Гера как о чем-то разумющемся.

Они сидели, обнявшись. Море шумело. Над морем висели огромные звезды. Казалось, что это лето никогда не кончится.

* * *

Подмосковье. Наше время.

Взяв с Лизы обещание, вернуться домой до полуночи и, проводив дочь, Мария включила компьютер. Два часа назад, когда они разговаривали по телефону, Гера пообещал написать ей. Мария зашла в свою электронную почту и увидела письмо от Геры. Этого письма она ждала двадцать три года.

Когда-то они с Герой любили писать друг другу – записочки с клятвами, письма. Последнее он написал ей за день до войны.

...Однажды коллега по работе – акушерка Ольга спросила Марию:

– Мария Петровна, вы жили в Абхазии, когда там началась война?

Мария помрачнела, – она не любила говорить на эту тему. Каменела – ни слов, ни эмоций.

– Меня туда в детстве летом возили к морю – отдыхать.

Так странно – пальмы, инжир, мандарины, и вдруг – война. Как-то в голове не укладывается. А с чего все началось? – простодушно спросила Ольга.

Мария вздохнула, – с чего все началось?

Пройдет время, историки дадут оценку произошедшим событиям, народ придумает свою мифологию об этой войне, а для нее все началось в тот августовский вечер, когда они пришли к Гере домой и поразились тому, какие застывшие, напряженные лица у его родителей.

Абхазия. Сухуми. 1992 год

– Вы чего оба такие мрачные? – рассмеялся Гера.

Его отец вздохнул: – Война...

Тогда еще было непонятно – надолго ли все затянется и чем закончится. Маше казалось, что все быстро разрешится, ну потому что какая может быть война в наше то время?! Однако Гера ее оптимизма не разделял, был мрачен, подавлен. Как-то с горечью признался ей, что эта война проходит через его сердце. Его мать – грузинка, отец – абхазец, и уже год родители яростно спорят друг с другом на счет того, кто прав, кто виноват в обострившейся распре грузин и абхазов.

Между тем, город все больше походил на военный лагерь – повсюду люди в военном камуфляже, и кажется, что в самом воздухе что-то застыло, как перед грозой – вот-вот рванет. Вскоре Гера сказал Маше, что ей пока лучше уехать из

Абхазии. Маша вскинулась – ни за что! Но Гера заводил этот разговор снова и снова. Потом пошел к Машиной матери: – Тетя Ирина, я считаю, вам на время лучше уехать.

Ирина вздохнула: – Куда нам ехать, Георгий? Где нас ждут?

– Поезжайте в Россию, к родственникам, – сказал Гера. – Здесь становится опасно.

– А ты? – спросила Маша. Если бы Гера поехал с ними, – она бы не задумываясь, согласилась ехать куда угодно.

На лицо Геры набежала тень:

– Маша, мужчине не пристало бежать. И потом – это моя земля. Я должен остаться.

Маша обиделась на него: если бы он любил ее – поехал бы с ней! Вспылила: – Уходи!

Гера ушел.

– Маша, а если Георгий прав? Может, и в самом деле, лучше на время уехать? – растерялась Ирина.

Маша только махнула рукой – и ты туда же!

Ирина сидела тихая, потерянная – куда ехать? Бросить то, что с таким трудом налаживала?

...Она приехала в Абхазию двенадцать лет назад. Ирина была из Ростова-на Дону, там родилась, закончила педагогический институт, вышла замуж. В Ростове же родилась Маша. Отношения с мужем у Ирины не сложились, – он ушел от нее, когда Маше был год, и больше они никогда не виде-

лись. Замуж она так больше и не вышла – не сложилось. Когда Маше было пять лет, тетка Ирины, которая жила в Абхазии, позвала их к себе. Семидесятилетняя родственница жаловалась, на то, что болеет и что ей тяжело одной; ухаживать за ней, кроме Ирины, было некому. Подумав, Ирина продала квартиру и поехала в Абхазию. Через два года тетка умерла, оставив Ирине дом в наследство. Еще при жизни родственницы, деньги, вырученные от продажи ростовской квартиры, Ирина стала вкладывать в дом – достроили второй этаж, расширили первый. На летний сезон Ирина сдавала первый этаж «отдыхающим». Приезжало много отпускников из России, союзных республик. Денег, заработанных за летний сезон, Ирине с Машей хватало на целый год. И вот теперь – все оставить? Ехать неизвестно куда? Но если оставаться здесь и впрямь опасно? Она должна думать о безопасности Маши... В последние дни даже на улицу страшно выйти.

Ирина не спала до утра, думая, как поступить.

Через два дня Гера пришел с отцом. Давид сказал Ирине, что он договорился со своим знакомым – капитаном прогулочного катера в Пицунде, что их с Машей морем доставят в российский порт.

– А потом куда нам ехать? – усмехнулась Ирина.

– Поезжайте к родственникам, куда угодно... Уезжайте отсюда! – у Давида был такой голос, что Ирина поняла – все серьезно, и спросила, сколько у них времени на сборы.

– Лучше ехать прямо сейчас. Я отвезу вас на машине. Берите только необходимое. За домом – будем смотреть, – пообещал Давид.

Ирина ушла собирать вещи.

Маша смотрела на Геру, – неужели он ее отпустит?! Гера молчал. Тогда Маша заявила, что она никуда не поедет.

– Это война, дочка, – тяжело вздохнул Давид, – может быть всякое.

Подумай о своей матери. Почему ты решаешь за нее?

Маша заплакала. Гера подошел к ней, обнял:

– Это все ненадолго, через месяц ты вернешься. Все будет хорошо. Давай, надо ехать!

– А моя собака? – растерялась Маша. – Можно Мухтара взять с собой? Я не поеду без Мухи!

– Ну что ты, куда с собакой... – сказал Давид. – Оставь собаку нам, мы присмотрим. Скоро вернешься и заберешь.

Машино последнее воспоминание о доме – беседа во дворе, цветы в палисаднике, окна ее комнаты, и – любимый Мухтар.

Когда они сели в машину Давида, Муха заволновался, закулил. Маша отвернулась, чтобы ничего не видеть. Машина тронулась. Не выдержав и посмотрев, Маша увидела, что Муха бежит за машиной, и разревелась. Давид остановил машину: «Гера, иди, отведи собаку к нам домой. Я сам их отвезу».

Гера молча вышел из машины.

В дороге, пока ехали – молчали. Только Ирина с горечью сказала: «Вот ведь – бежим из родного города, как воры! И ничего с собой не взяли – так, альбом с фотографиями, документы...» Маша тоже молчала. В глубине души она злилась на Давида. Ей вдруг подумалось – а что, если родители Геры под предлогом «заботы» о ней с матерью, решили спровадить ее подальше, чтобы разлучить с Герой?

В Пицунде на причале Ирине стало ясно, что Давид оказал им большую услугу, – желающих уехать было куда больше, чем мест в катере. Люди в отчаянии рвались к забитому катеру, куда уже никого не пускали. У Маши появилась надежда – может быть, их не посадят? Но Давид помахал кому-то рукой, и по трапу к ним спустились два матроса. С Давидом Маша простилась сухо. А он обнял ее на прощание:

– Ну же, дочка... Все будет хорошо! Я еще спою на вашей с Герой свадьбе!

Матросы провели Машу с Ириной на катер. Так Маша и запомнила на всю жизнь – причал, толпа отчаявшихся людей, исчезающий вдали берег.

Позже она узнала, что уже скоро выехать из Абхазии стало очень сложно, для многих – попросту невозможно.

Впоследствии она много раз задавала себе вопрос – что было бы с ними, если бы они с матерью остались в Сухуми? Но ответа Мария не знала. Она знала только, что многие ее знакомые погибли в войну. Кто был убит, кто умер от болез-

ней, голода, разрухи.

* * *

Родственники в Ростове Ирине с Машей были не рады, — на первое время приютили, но быстро дали понять, что беженцам нужно рассчитывать на себя. Помыкавшись в Ростове, в конце сентября уехали в Воронеж — Ирину пригласила к себе подруга детства, но в Воронеже тоже не задалось (ни работы, ни квартиры — как жить?), в общем, и там надолго не задержались. Их печальная одиссея закончилась в Подмосковье, в небольшом городке, куда их позвала дальняя родственница Ирины. Там и осели.

Мать устроилась учителем в школу, Маша в больницу санитаркой, получили комнату в общежитии; они уговаривали себя, что все это временно, старались держаться. Больше всего Маша переживала за то, что от Геры не было вестей. Она написала ему много писем, но Гера молчал. Маша пыталась звонить тем редким сухумским знакомым, у кого были домашние телефоны — но дозвониться не получалось, связи не было. Уже в Подмосковье она пошла на почту и заказала разговор с Сухуми «с уведомлением» — Геру должны были вызвать на переговорный пункт; но когда в означенный час она пришла на почту, ей сказали, что разговора не будет по причине того, что вызываемый абонент не явился.

— А почему не явился? — спросила Маша упавшим голо-

сом.

Пожилая женщина в почтовом окошке сочувственно посмотрела на Машу и вздохнула: – Кто ж его знает...

Позже Маша отправила Гере еще десять приглашений на переговоры – в пустоту.

В конце октября Маша подумала, что заболела – ее тошнило, рвало.

Взглянув на бледную дочь, Ирина испугалась: – Маруся, что с тобой? – и вдруг изменилась в лице. – Ты что... беременная?!

Маша охнула – их с Герой лето любви, звезды над пляжем, море с его приливами – отливами... И вот – ребенок.

Она успокаивала мать:

– Ребенок – это же всегда к счастью! Тем более от любимого человека!

Мать вытирала слезы:

– Какое там счастье! Не такой жизни я для тебя хотела, Маруся. Да и где он, твой любимый человек?

– Мам, скоро все наладится, вернемся домой, мы с Герой поженимся. А как ты думаешь, кто будет: мальчик – девочка?

– Что мне думать, – вздохнула Ирина, – ты и думай. Сами живем – перебиваемся, а тут еще ребенок! – Она оглядела их обшарпанную комнату. – Разве можно ребенка в такие условия?

Да, жили тяжело, если не сказать – нищенствовали. Ведь ничего – ни одежды, ни посуды, ни мебели, все оставили в Сухуми, когда уезжали. А те накопления, что были у матери, быстро потратили. Ирина переживала, места себе не находила, считала, что их просто выбросили из жизни, «вырвали с корнем». На Машу порой тоже накатывала какая-то обида на окружающих, ни на кого-то конкретно, а так – на всех; здесь, в России, люди открывают для себя вкус сникерса и «райское наслаждение Баунти», вкладываются в «МММ», строят планы на будущее, и никому нет дела до того, что где-то идет война и гибнут люди. А главное, здесь ни с кем нельзя было об этом даже поговорить – никто бы ее не понял. Какая война? Вторая мировая закончилась в сорок пятом! А про другие войны здесь ничего не знали. «Или не хотели знать!» – жестко добавляла мать.

Вскоре Ирина стала болеть, ей пришлось уйти из школы. Прозябали на Машину жалкую зарплату. Иногда Маше казалось, что она живет только ради будущей встречи с Герой. Если бы не ее беременность – она бы давно все бросила и поехала туда – к нему; даже если бы это было невозможно, она все равно бы смогла – добралась, доплыла, преодолела все расстояния и пределы, туда – в тот цветущий, благоуханный город у моря. Любой ценой. Но куда ехать? Беременность проходила тяжело, – Маша дважды лежала в больнице «на сохранении», а когда родилась Таня, стало еще тяжелее.

Маше приходилось работать, заниматься ребенком (молоко почти сразу пропало – нужно было доставать смеси), а когда Тане исполнился год, – стала умирать Ирина.

Маше казалось, что мама заболела от какой-то тоски, и эта тоска съедает ее изнутри. Она постепенно, как свеча, угасала. Долгое, печальное угасание – Ирина истончалась, бледнела, изживала жизнь. Врачи говорили – сердце, но Маша чувствовала, что мама просто устала. В этой выболевшей, почти невесомой женщине, от прежней Ирины – остались только глаза и улыбка. Да, вот что удивительно – улыбка. И умерла с улыбкой.

В тот день Маша попросила девчонок со своей работы прийти к ней домой.

– Зачем? – спросила медсестра Нина Завьялова.

– Поставить гроб на табуретки, – сказала Маша. – У меня мама умерла.

Из больницы пришли три девочки и помогли Маше поставить гроб на расставленные в центре комнаты табуретки (похороны должны были состояться на следующий день). Нина Завьялова в тот вечер осталась с Машей (за что Маша ей будет всю жизнь благодарна). Так они и сидели вдвоем со светом до утра, в кроватке спала маленькая Таня, а в соседней комнате стоял гроб. Нина предложила Маше выпить водки: может, так станет легче? Маша отказалась, – она не хотела, как легче. Пусть будет хуже. Больнее. Так – честнее.

После смерти мамы Маша в одночасье стала Марией. Все просто – пока живы родители – мы остаемся детьми, сколько бы лет нам ни было. После их смерти – мы навсегда взрослеем.

* * *

В то время она жила ожиданием вестей из Сухуми. Как только связь с Сухуми появилась, Мария стала звонить всем сухумским знакомым. Бесполезно – длинные гудки, как – будто в городе никого не осталось.

Наконец ей удалось поговорить с соседями, которые жили на ее улице. И она услышала то, что перевернуло ее жизнь, словно снаряд той войны догнал ее только сейчас.

– Семья Качарава? Никого нет...

– А Гера?! – крикнула Мария.

– И Геры нет... Убили Геру.

У Марии все поплыло перед глазами.

Через неделю она найдет в себе силы позвонить еще раз, чтобы спросить, где похоронили семью Качарава. Бывшие соседи ответят, что не знают. «Тогда время такое было – хоронили, где придется, дочка».

И все – после этого жизни не стало. Порой Марии казалось, что ее, как покойную Ирину, съедает изнутри тоска. Но она должна была жить, потому что нужна была Тане. А потом... У нее появился Алексей.

Однажды в больнице, где она работала, ее кто-то окликнул. Мария узнала молодого врача, который однажды приезжал на «скорой помощи» к ее матери. Это было за пару месяцев до смерти Ирины. Мария его тогда запомнила – внимательный, доброжелательный, и – совсем мальчишка, должно быть только закончил институт. Оказывается, что и он ее запомнил.

– А я недавно закончил институт, – сказал молодой доктор, – и ушел со «скорой», теперь работаю в этой больнице. Вообще-то я – хирург. Как ваша мама?

Услышав ее ответ, он помрачнел. – Простите, соболезную вашему горю.

Маша кивнула и пошла по коридору. Слезы застилали глаза. Он догнал ее: – Подождите... Идемте в столовую, выпьем кофе? У меня как раз перерыв между операциями. Меня зовут Алексей.

Алексей Арсеньев – светлые волосы ежиком, серые глаза, открытая улыбка. «Какая хорошая улыбка, – подумала Мария, – он, видимо, очень хороший человек». Кроме открытой улыбки у доктора Арсеньева была особенная манера располагать к себе людей, во-всяком случае, Мария ему в первый же день выложила всю правду о себе. Про свою жизнь на юге и их с Герой любовь. Про войну. Про Таню. Про Ирину. Просто выплеснула на него все, что долгое время комом стояло внутри.

На следующий день Алексей пригласил Марию к себе домой, познакомил с матерью, которая сразу приняла ее, а через полгода они с Алексеем поженились. Если ее любовь к Гере была бурной, страстной, то Лешу Мария любила иначе, это была любовь – благодарность, тихая нежность, любовь, вырастающая из дружбы, доверия.

У Марии были удивительные отношения с Лешинной матерью – Верой. Они с Верой как-то легко и быстро стали родными людьми. Если бы Марию попросили сказать что-то о свекрови в двух словах, то Мария сказала бы: Божий Человек. Вот Вера была – Божий Человек. Причем Человек именно с большой буквы. Мария считала, что Вера и Леша – ее утешение за все беды.

Через год Алексей настоял на том, чтобы Мария поступила в медицинский институт. Когда она училась на четвертом курсе, у них с Лешей родилась дочь Лиза. Свекровь взяла на себя все заботы о Тане с Лизой: «Машенька, ты только учись!»

Мария за многое была благодарна мужу, и особенно за то, что он всегда был поразительно деликатен в отношении ее прошлого, – никогда никакой ревности, упреков, обид. На протяжении многих лет, в день рождения Геры, она покупала букет цветов, и Леша, видя цветы, ни о чем ее не спрашивал.

– Мам, с кем ты все время разговариваешь по вечерам? – поинтересовалась Лиза.

Мария смутилась – врать не хотелось, рассказывать дочери про Геру – тем более. Подумав, сказала честно: – Я потом тебе расскажу. Когда смогу...

Лиза удивленно пожала плечами: – Ладно...

Теперь Мария Герой каждый день разговаривали по телефону, и при этом продолжали писать друг другу письма. Оказалось, что в письмах проще говорить о важном, потаенном.

В последнем письме Мария спросила у Геры о его родителях и брате. Гера скупно ответил, что его отец погиб в 92 — ом году. «Отец всегда оставался человеком, он говорил, что на войне главное – сохранять человеческое достоинство».

Давид Качарава... Мария вдруг словно увидела тот день – переполненный отчаявшимися людьми, причал, лицо Давида. «Я еще станцую на вашей свадьбе, дочка»... «Спасибо, дядя Давид, – через годы поблагодарила Мария. – Как знать, может быть, ты спас нам жизнь – мне, маме, Тане».

В сдержанной интонации Гериного письма за каждой строкой много боли. Больше, чем может вместить человек. Гера написал, что его брат Сандро погиб в 93-ем, а его са-

мого в тот день – ранили (из-за чего в городе его долгое время считали погибшим). В том же году в их дом попал снаряд, после чего начался пожар. Тамара тогда едва не погибла, спаслась каким-то чудом. Когда в войне наступил перелом, мать попросила его увезти ее из Сухуми, и он увез Тамару к ее родственникам в Грецию, где в 96-ом году она умерла.

Сам он в Греции не прижился. Поехал в Крым – к старому приятелю отца. В Крыму он и живет до сих пор – в небольшом зеленом городке на берегу Черного моря. Гера написал, что журфак он все-таки закончил и стал журналистом, теперь у него свое новостное агентство.

В Сухуми за эти годы он приезжал несколько раз. Видел свой обгоревший дом – печальное зрелище. В Абхазии вообще много заброшенных домов, в некоторых – временем и забвением прорастают лианы.

«Много чего было за эти годы, Маша, всего не расскажешь. Но я никогда не забывал тебя». Гера рассказал, что долго искал ее – весь Ростов перевернул, потом искал по всей России. Но он искал ее как Позднякову, а когда нашел – она уже была Арсеньева. Узнав, что она замужем и у нее двое детей – он не решился вторгаться в ее жизнь. Посчитал, что нет у него такого права. Через год после этого – он женился. О бывшей жене может сказать только хорошее, но что-то у них не сложилось. Когда нет любви – что-то обычно не складывается. Неважно что. Развелись. Детей не было. Может, и к лучшему? Гера признался, что за эти годы он несколько

раз порывался позвонить ей, написать, приехать, и всякий раз – не решался. Но сейчас не сдержался – в тот день какая-то сила подтолкнула его набрать ее номер. «Мне ничего не нужно от тебя, Маша... Я все понимаю. Я просто хотел поблагодарить тебя за то, что ты была и есть в моей жизни. Я рад, что у тебя все хорошо – семья, работа. Значит, ты все-таки стала врачом? Твоя мечта сбылась?»

Маша ответила Гере, что эта ее мечта – сбылась. И она стала не просто врачом, а особенным врачом. Вот уже двенадцать лет она работает в родильном доме. Пришла в него после окончания института акушеркой, а несколько лет назад стала заведующей отделения. Работа для нее – это часть ее жизни. Очень важная часть. А зачастую – спасение. Да, именно работа помогает ей справляться с грузом прошлого с его печальными воспоминаниями, бедами, потерями. Она ведь каждый день имеет дело с будущим – принимает роды, а дети – это и есть будущее.

Ей приятно идти по городу и видеть детей, которых она принимала в родильном доме. Город маленький и ее многие узнают; она идет, – все с ней здороваются. «Здравствуйте, Мария Петровна!» И все – ее дети.

* * *

«А как твои дети? Сколько им, как их зовут, какие они?» – спросил Гера в письме.

«У меня три дочери: Татьяна, Лиза, Софья...»

Маша решила ограничиться этой короткой фразой. Слишком сложный вопрос, попробуй, ответь, – какие они – ее девочки?

...Старшая Татьяна похожа на мать Геры – Тамару. Сначала Мария это не понимала, но с годами, по мере того как Таня росла, сходство все более проявлялось: такое же, как у бабушки, бледное, вытянутое, продолговатое лицо, большие темные глаза – уголья, высокий лоб. Кроме того, в Тане было что-то неувлимо царственное – безупречная осанка, гордая поступь.

«Тамара Качарава!» – однажды поняла Мария, взглянув на дочь и подумала: как хорошо, что на свете осталась память о гордой, надменной, великолепной Тамаре. И поет Татьяна прекрасно – в бабушку Тамару, та тоже была знатной певуньей.

Таня с детства была задумчивой и серьезной. Мария порой чувствовала вину перед дочерью – слишком серьезная? Задумчивая? А какой Татьяне быть, если вместо молока мать кормила ее слезами и грустью? Таня рано нашла себя, – еще в детстве решила стать пианисткой. Сейчас она учится в консерватории, живет в Москве. Год назад вышла замуж за своего сокурсника – хороший парень, тоже талантливый музыкант, они удивительно друг другу подходят.

Средняя – Лиза. Леша ее очень хотел. Он любил Таню, как родную дочь, но мечтал об еще одном ребенке – их об-

щем. И когда родилась Лиза, – он был так счастлив... Теперь Лизе – семнадцать. Сложный возраст, но с Лизой и всегда было непросто. «Там характер!» – улыбался Леша, глядя на дочь. Да – характер, еще какой! Если с Таней у Марии особенных проблем не было, то за Лизу ей приходится волноваться. В отличие от усидчивой, способной Татьяны, закончившей школу с отличием, у Лизы всегда были проблемы с учебой – ленивая, рассеянная, витает в облаках. Похожа, кстати, на Лешу – светловолосая, сероглазая. Творческая натура – любит рисовать, хочет быть архитектором.

Лиза и Таня, совсем разные по типу внешности, темпераменту, интересам, способностям, но при всей разности сестры всегда были удивительно близки.

Младшая – Софья. Соня появилась в их семье шесть лет назад.

...Роды у Сониной матери принимала Мария. Роды были сложные – пациентка с патологией, ребенок родился слабенький, тем не менее, все закончилось хорошо. А через несколько дней доктор Арсеньева узнала, что та роженица отказывается от ребенка. Мария пришла к девушке в палату, долго разговаривала с ней, убеждала, уговаривала. А потом в какой-то миг устала, споткнулась о холодные, пустые глаза этой юной девицы, и поняла, что там – стена, о которую разобьются все ее увещевания и доводы. «Тогда пиши отказ». Девица с готовностью подписала документы (позже,

узнав, что Сониная биологическая мать вскоре уехала из города, Мария подумала, что это – к лучшему). А затем что-то заставило Марию зайти в детское отделение и отыскать Соню. «Эй!» – тихо позвала Мария, и Соня вдруг открыла глаза и осмысленно, – глазами, – ей ответила.

В тот день, придя домой, Мария сказала Леше: «У нас будет ребенок. Дочь. Родилась пять дней назад. Зовут Соней». И – как было всегда – Леша ее поддержал.

Ее вообще никто не отговаривал. Ни Вера, ни Таня. Только Нина Завьялова (с того самого страшного вечера – подруга на всю жизнь), узнав о ее решении, серьезно спросила: – Справишься?

Мария кивнула: – Да.

Хотя страхи, у нее, конечно, были, что скрывать... Понятное дело, что с приемным ребенком – сложно, и ответственность перед ним больше, чем перед родным. От родного можно что-то требовать, родного можно ругать, а приемного? Сразу кольнет – вот ругаешь, потому что не родной, значит, не любишь?! Но эти сомнения и страхи быстро рассеялись, потому что Соня как-то сразу стала родной – без вариантов. Вообще сомневаться и чересчур много размышлять было некогда. У Сони сразу вскрылось столько серьезных болячек, что Марии и впрямь было некогда думать, кто кому родной и кому кем приходится, – надо было спасать ребенка. А потом, когда все как-то выровнялось, и Соня выздоровела, – уже было все равно. Мария знала, что у нее трое

детей, а все прочее – неважно. И Алексей любил всех трех одинаково.

Соня – ее солнечный яркий апельсин, девочка – радость. Веселая, озорная, фантазерка, придумщица. У Сони огненно-рыжие волосы и яркие, голубые глаза. Соня любит говорить, что у нее глаза – как у неба.

Три дочери... И все росли в любви. Мария с Лешей считали, что дочерей надо баловать – никто ведь не знает, что их ждет впереди, какая им уготована судьба, поэтому пусть родительская любовь станет для них какой-то «подушкой безопасности» в будущем. И вообще, – любви много не бывает. Леша так и говорил – нельзя избаловать любовью.

«Трое прекрасных дочерей – ты счастливая, Маша! – написал Гера. – И твой муж – счастливый человек...» Маша замерла. В ответном письме написала: «Я – вдова, Гера. Мой муж Алексей умер три года назад».

...Леша умер от сердечного приступа. У него была тяжелая операция – провел шесть часов на ногах. Ей потом сказали, что он еще в операционной почувствовал себя нехорошо, но продолжал оперировать. Умер по дороге домой. Скольких людей спас, а его – не смогли. Ему было всего сорок семь.

Через год после смерти Леша умерла Вера.

Марии казалось, что она осталась совсем одна. Хотя, как одна, – а дети? Ради них надо было держаться, продолжать жить. И Мария зажала боль внутри, так глубоко, чтобы она

не мешала ей жить. Жить ради детей.

* * *

Этого вопроса она боялась, потому что предполагала ответ, но – не спросить не могла. «Гера, что случилось с моей собакой?»

...Мухтара Мария подобрала щенком на улице. Поглядев на тощего, нескладного щенка, Ирина вздохнула: – Сомнительное приобретение! Ладно, такие, наверное, тоже для чего-то нужны.

Заметив, что в уголках маминых губ мелькнула улыбка, Мария поняла, – Муха остается в их доме.

Муха был черный, кудлатый, смешной, добродушный. Умный. Морда – ершиком, хвост – бубликом, глаза – коричневые пуговицы, длинные ресницы. «Ресницы – гордость собаки!» – однажды сказала мама, и Мария засмеялась. За хозяйками Мухтар ходил как хвостик, – куда они – туда и он.

Он и в тот день бросился за ними... У Марии до сих пор стоит в глазах эта картина, – Муха изо всех сил бежит за машиной Давида. Бежит уже двадцать с лишним лет.

Больше собак у Марии не было – она не могла забыть своего Муху.

...«Прости, Маша, мы не спасли твоего Муху, – написал Гера. – Он тебя очень ждал, тосковал, до последнего –

ждал...»

Прочитав – Мария задохнулась от какой-то разрывающей напополам боли. Слезы хлынули волной. Почему, зачем, кому было нужно вырвать с корнем их жизни?! Когда-то, незадолго до рождения Тани, Мария задала этот вопрос маме. Выкрикнула – громко, со слезами. Выкрик боли – упрек мирозданию. Почему? Зачем? Мамин ответ был коротким, как вздох: «Война...»

– Мама! – Соня требовательно потрясла Марию за плечо. Мария вытерла слезы. – Да, Соня?

Соня – две рыжих тугих косички, платье в горошек и очень серьезный взгляд, пристрастно оглядела мать и неодобрительно заметила:

– Ты все время садишься за компьютер, а потом ревешь! – И покровительственным тоном (какой Соня вообще обожала) спросила: – Что случилось?

– Война, – сказала Маша.

– А что это? – в голубых, цвета неба, Сониных глазах, отразилось удивление.

...Война – это вырванные с корнем жизни, осиротевшие дети, брошенные животные, опустевшие дома, боль и кровь, крушение жизни – под откос. Война – это город, который ты любил, где ты был счастлив, в котором ты хотел прожить всю жизнь, и в который теперь – невозможно вернуться.

Много раз за эти годы Марии снилось, что она возвращается в их город. Почему-то всегда – морем. Сходит с корабля и бежит по набережной, улочкам, туда – к дому Геры. А дальше все происходило по-разному, в хорошем сне – ей удавалось встретиться с Герой (и день после такого сна был хорошим – верная примета), но иногда сон заканчивался страшно – подбежав к дому, Мария видела на его месте черную воронку и просыпалась в холодном поту. И день потом был липким и обязательно с неприятностями.

* * *

Она ждала этого и боялась. И через месяц – в августе – в телефонном разговоре Гера сказал: – Маша, я хочу тебя увидеть. Нам нужно встретиться. Можно я приеду?

Мария вздрогнула: встретиться?! и сказала ему, что должна подумать.

...Были сомнения, страх (узнают ли они друг друга, как пройдет эта встреча, и главное – что потом?), и все-таки Мария решилась. Она должна увидеть его и сказать ему про Танию. Гера должен знать, что у него есть дочь.

Оставалось выбрать место встречи. Мария не была готова пригласить Геру к себе и предложила встретиться где-нибудь «на нейтральной территории». Конечно, она сразу подумала о Сухуми. Встретиться в Сухуми?

Должно быть, странно, но в ее представлении город их

юности и любви – навсегда остался необитаем, словно война уничтожила этот город – со всеми домами, садами, морем. Мысль о том, что там продолжается жизнь, зреют сады, наливаются солнцем мандарины, растут дети, целуются влюбленные, что туда приезжают туристы, а море там по-прежнему постоянно в своих приливах-отливах, казалась Марии невероятной. В итоге она поняла, что поехать в Абхазию просто не сможет – больно.

«Тогда приезжай на Черное море в другой его части, – написал Гера. – Приезжай ко мне. Посмотришь, как я живу». Мария ответила, что приедет.

...Она рассматривала себя в зеркало – внимательно, оценивающе. Ну что, все, отцвела?! Усталое лицо, под глазами тени, и эти морщины в уголках губ так некстати. Но – стройная, подтянутая, что в целом, отчасти, спасает ситуацию (Мария мысленно поблагодарила себя за многолетнюю привычку к ежедневной гимнастике и долгим прогулкам). Страшнее всего для нее было бы увидеть разочарование в глазах Геры.

Уезжая, она оставила Соню на попечение Татьяны, которой полностью доверяла.

Крым. Наше время

Маленький, очень зеленый городок, чем-то похожий на тот Сухум; впрочем, все приморские города неуловимо по-

хожи друг на друга.

Увидев Геру – Мария внутренне ахнула. Был мальчик Гера – стал мужчина Георгий. Виски засеребрились временем, от глаз – лучи морщин. Загорелый, просто бронзовый (конечно – юг! она и забыла, как быстро и легко здесь стать бронзовым); выглядит старше своих лет, но – сухощавый, поджарый, – в отца.

Неловкость первых минут быстро преодолели. Георгий улыбнулся:

– Ну что, идем к морю?

Море простиралось далеко – до горизонта. Мария обвела глазами эту сияющую на солнце волшебную синь и вздохнула: – Здравствуй, море!

...Ее удивило, что Георгия в этом городе все знают; где бы они ни появлялись – с ним здоровались, в ресторане их угощали. «Маленький город – все друг друга знают», – пояснил Георгий.

Гуляли, заходили в ресторанчики, ели мороженое на набережной (Мария подумала, что просто сидеть с близким человеком на набережной и есть мороженое – не меньшее чудо, чем увидеть на горизонте алые паруса). О прошлом, особенно о войне, не говорили. Мария боялась расспрашивать о страшных подробностях военного времени, хотя знала, что Георгий многое бы мог рассказать. Лишь однажды он вдруг не выдержал и с горечью обронил: «Как странно, Маша... Как – будто ничего и не было. В нашем городе все зарастает

лианами и забвением». А потом он рассказал, что когда был в Сухуми в последний раз, не сразу нашел могилу отца на кладбище, – она проросла лианами и временем.

В первый же вечер он пригласил ее к себе домой. Дом Георгия – небольшой, скромный, но удивительно гармоничный и продуманный – с открытой уютной верандой и чудесным садом, стоял на берегу моря. Показав Марии дом и сад, Георгий улыбнулся: – Сейчас ты увидишь – главное!

Он взял ее за руку, провел по какой-то лесенке в своем саду, толкнул калитку и... Мария замерла, увидев эту бухту. Синяя чаша моря, скалы, пара важных бакланов на берегу, причал, у которого замер на привязи, катер.

– Это твоя бухта? – не поверила Мария.

– Я и купил этот дом-развалюху из-за выхода к морю, – объяснил Георгий. – Можно сказать, – приобрел целое море! Теперь чувствую себя настоящим богачом! Идем, прокачу тебя на катере.

В бухте Георгия можно сидеть на камнях, забыв о времени. Море, солнце, соленые брызги, и на земле – снова август, как в то лето их любви.

Ночью, они с Георгием вновь вышли на берег. Над бухтой светила луна и огромные, какие бывают только на юге, звезды. Волны пульсировали, набегая одна на другую. И вдруг что-то такое горячее, яростное, мощное – волной поднялось

в Марии, как тогда – двадцать с лишним лет назад, что ее бросило к Георгию. Она нырнула в его объятия, руки, губы и плыла в них, пока совершенно не обессилела от любви, страсти, сменяющих друг друга оргазмов... И – выплыла на спасительный берег, где обнаружила себя утром – рядом с Георгием, в его доме.

Полдень мира. Они лежат в кровати. Ее голова на его груди. Ветер качает занавеску на окне, море шумит. Оно всегда шумит – вот уже целую вечность. И для него наши войны, разлуки, смерти – только пена, сменяющих друг друга, волн.

Она все искала случая сказать ему о Тане, придумывала целые фразы, а получилось... ну как получилось – просто, без излишнего мелодраматизма. «Гера, у тебя есть дочь. Татьяна». Тень набежала на его лицо, и он вышел из комнаты.

Она нашла его в бухте. Мария обняла его, и впервые – за все время, что она его знала, – увидела слезы на его глазах. «Она выросла без меня, – глухо сказал Георгий. – Меня лишили в жизни, может быть, самого главного смысла...»

Две недели, проведенные в доме у моря, пролетели, как день, но по наполненности были как целая вечность для двоих.

О том, что скоро уезжать – Мария старалась не думать. За три дня до намеченного отъезда, утром, когда они с Георгием сидели на берегу, позвонила Татьяна. «Мам, ты только не

волнуйся...»

Сердце упало: – Что случилось?

– У Сони – ветрянка. Жар. Мы справляемся, но если ты приедешь чуть раньше – будет хорошо. Соня скучает, все время спрашивает, когда ты приедешь.

Поговорив с Татьяной, Мария подошла к Георгию, который сидел на причале и села рядом с ним.

– Гера, я сегодня уезжаю.

Он покачал головой: – Я тебя никуда не отпущу.

– Я должна. Младшая дочь болеет.

– Тогда поедем вместе.

Мария вздохнула, – в это утро она не была готова к такому разговору. Она вообще была к нему не готова. Что дальше? Полностью менять жизнь? Но как? Сможет ли она, сможет ли он? Кто к кому переедет? А ее девочки? Столько вопросов...

Волны разбивались о берег. Чайки кричали. И бесстрастное море – приливы-отливы.

Мария вздохнула: – Гера, мы оба изменились. Мы уже не те мальчик и девочка... – Она замолчала, осознав фальшивость фразы. Не то. Не так. И выдохнула: – Мне нужна пауза. Подумать обо всем, разобраться в себе. Пожалуйста...

Он сжал ее руку: – Я буду ждать.

* * *

После возвращения домой она чувствовала, что у нее в

душе рваная пустота. Работа, девочки (Лиза поступила в институт, Таня выиграла серьезный музыкальный конкурс), пришедшая в Подмосковье осень – все воспринималось как-то отстраненно, словно через дымку горчайшей печали.

Прошел сентябрь, золотом запылала листва. В парках жгли листья – ветер носил в воздухе запах разлук. Ни писем, ни звонков от Георгия не было. Пауза, о которой она его просила – затянулась.

В середине октября, в больнице, прямо посреди совещания, Мария почувствовала, что ей плохо. Кружилась голова, за горло брала сильная – до спазмов – тошнота. Мария опрометью выбежала из ординаторской.

Когда она вернулась в кабинет, пожилая акушерка тетя Ася (сто лет работают вместе!), присмотревшись к ней, вдруг сказала: – Мария Петровна, ты, поди, беременная?

– Ты что, тетя Ася?! – удивилась Мария, потом застыла: – Господи... Неужели правда?

Тетя Ася улыбнулась: – Сходи, проверься, конечно, но я и так вижу, у меня глаз наметанный.

Мария обняла тетю Асю: – И что ты еще видишь?

Старая акушерка подмигнула Марии: – Будет мальчик.

Мальчик. Сын. И Мария уже знала это, еще до того, как все вскоре подтвердилось.

Уйдя с работы еще до обеда, Мария зашла в больничный сквер, села на скамейку, где когда-то ее застал июньский

дождь, и прислушалась к своим новым чувствам-ощущениям. Та рваная пустота в душе, которую она ощущала последний месяц – теперь заполнялась. Чудом, смыслом, любовью. Жизнь продолжалась, – она всегда продолжается, несмотря ни на что; и – Мария уже чувствовала в себе эту новую жизнь.

Все решилось само собой. Она набрала номер Георгия.

– Да, Маша...

– Гера, я должна тебе сказать... – Она пыталась найти верные слова. Как сказать: у меня будет ребенок... Нет, не так, – у нас. Потому что это будет их общий ребенок. Их общая радость, а Бог даст – общая жизнь.

– У нас будет ребенок. Приезжай.

В ответ – пауза. Мария замерла.

– Маша, я приеду... – У Георгия был какой-то прерывистый, странный голос. – Так быстро, как смогу.

– А как сможешь? – улыбнулась Мария.

– На первом самолете.

– Я жду тебя, Гера. Жду!

* * *

Мария пошла в детский сад и забрала Соню, которая (учитывая, что ее забрали как раз перед ненавистным сончасом) просто ошалела от такого внезапно свалившегося на нее счастья. Хитрюга Соня решила выжать для себя еще немного

счастья и вкрадчиво предложила: – Мам, а пойдем в парк?

...День был промыт солнцем; в такие солнечные осенние дни небо особенно синее.

В парке шуршали листьями, кормили уток в пруду. Соня уже поняла, что сегодня особенный день и, заведя на центральной аллее, продавца с воздушными шарами, приготовилась к еще одной радости.

В этот миг к ним вдруг подошел пожилой мужчина – совсем седой, скромно одетый. Он обратился даже не к Соне, а к Марии: – Можно я куплю вашей девочке шарик?

Мария смутилась: – Ну что вы, зачем...

– Пожалуйста, – тихо сказал мужчина.

Когда он протянул Соне шарик, Мария обратила внимание на его руки – сбитые, натруженные. Соня поблагодарила незнакомца и понеслась по аллее вскачь. Голубой шарик гордо парил над Сониной огненно-рыжей головой.

– Спасибо! – Мария посмотрела на мужчину. Ей показалось или в его глазах, и впрямь были слезы?

Он кивнул, как-то неловко улыбнулся и пошел по аллее. Глядя ему вслед, она почувствовала, как защемило сердце. Наверное, в жизни этого человека тоже были зияющие утраты, и жил он уже не ожиданием своего счастья и чуда, а тихим отблеском счастья других людей.

Мария стояла возле детской площадки и смотрела, как Соня играет с каким-то малышом. Малыш потянулся к Со-

ниному шарiku, и Соня – нехотя, но все же поделилась с ним своей радостью, – дала подержать шарик. Малыш обрадовался, подпрыгнул от полноты чувств, и от волнения – взял да и выпустил веревочку из рук. Шарик, почувствовав волю, полетел. Соня вскрикнула, замахала руками вслед улетающему счастью.

Сначала не сдержался малыш и громко – во всю силу детского горя, заревел басом, потом тоненько всхлипнула Соня и, – ее отчаяние набирало обороты, – заголосила. А потом, глядя на улетающий шарик, заплакала Мария.

– Не улетай! – крикнула Соня.

Но шарик летел, поднимаясь все выше и выше. Выше безрезья, выше высоты, выше разлуки, выше печали. Туда, – где все живы, и где ничто не кончается.

Письма к Орфею

Рассказ из сборника «Спасибо» (изд-во Эксмо), посвященного теме благодарности.

Я всегда считала чувство благодарности явлением самого высшего порядка. Мне кажется, что способность его испытывать, быть благодарным кому-либо или чему-либо и делает нас людьми. Благодарность – объемное, сложное понятие, мы все понимаем и переживаем это чувство по своему, но каждый из нас, хотя бы раз в жизни кому-то искренне благодарен; в каком-то смысле, вся наша жизнь – благодарственная ода.

Что до меня, то у моей благодарности совершенно разные поводы и разные адресаты. К примеру, я бесконечно благодарна персоналу одной поселковой больницы, куда я как-то попала во время путешествия по стране, с маленькой, внезапно заболевшей дочерью – там нас, не спрашивая документов, приняли, оказали всю необходимую помощь и были добры и внимательны. Я благодарна своим животным – собаке и кошке, за то, что они прожили рядом со мной свой звериный век и научили меня любви и верности. Я благодарна своим близким людям за то, что они – такие, какие есть – с достоинствами и милыми недостатками. Я готова каждый день благодарить свою дочь за счастье общения, и обретен-

ную благодаря ей возможность вновь и вновь возвращаться в собственное детство. Я благодарна судьбе за то, что родилась в нашей удивительной и немыслимой стране, а этой стране за то, что она стала моей судьбой.

...Разные истории, разные поводы для благодарности, иногда я говорила «спасибо», иногда по каким-то причинам не могла это сделать... Но я думаю, что искренняя благодарность, даже если она осталась невысказанной, прорастает в нашей душе нежным цветком и рождает в нас желание передавать добро дальше – другим людям. Делать что-то хорошее просто так. И тем самым, говорить «спасибо» тому человеку, которого мы не смогли или не успели поблагодарить.

И, конечно, чувство благодарности зачастую неразрывно связано с любовью – еще одним чувством высшего порядка, которое делает нас людьми.

Испытывая бесконечную благодарность к одному близкому человеку, который доверил мне подлинную историю из своей жизни, я хочу рассказать её вам. Историю о том, как благодарность странно и удивительно претворяется в любовь...

Вот она....

* * *

Закончив перевод на русский язык статьи из немецкого издания, тридцатисемилетний переводчик Павел Беликов

решил отдохнуть и после обеда отправился гулять. Погода, впрочем, мало располагала к прогулкам, – нынешний октябрь в Петербурге выдался холодным. С Невы дул мощный балтийский ветер, а затянутое свинцовыми тучами небо, разразилось дождем. Павел прошелся вдоль Мойки, побродил по пустой Дворцовой площади, потом вышел через арку на бурлящий Невский и в плотном людском потоке дошел до большого книжного магазина, любимого им еще с детства. Павел любил саму атмосферу старого книжного, ему нравилось приходить сюда, отыскивать редкие книги, выбирать очередные энциклопедии и словари (коих у него уже было бесчисленное множество). Еще ни разу не было так, чтобы он ушел отсюда, ничего не купив, обычно пакеты, полные прекрасных книжных трофеев приятно оттягивали ему руки. Вот и на этот раз Павел выбрал несколько книг.

Уже собираясь уходить, он приметил редкий альбом с ретро фотографиями и, потянувшись за ним, нечаянно смахнул с соседней полки какую-то книгу. Поднял ее и увидев, что это томик поэзии немецкого поэта Райнера Рильке, Павел улыбнулся – не далее как сегодня утром он уже «встретился» с Рильке, получив письмо по электронной почте от своего немецкого коллеги Майкла. В письме Майкл, большой интеллектual и любитель изящного, процитировал отрывок Рильке из «Сонетов к Орфею». Изящная, отточенная фраза из этого отрывка, наполненная смыслами, мгновенно врезалась Павлу в память, и вызвала желание прочесть сонет-

ты целиком. Павел полистал книгу, чтобы посмотреть есть ли в ней «Сонеты к Орфею», и вдруг увидел среди страниц лист бумаги, испещренный аккуратным почерком. Павел машинально пробежал по нему глазами. В этой странной записке некто, переписав от руки одно из стихотворений Рильке, поделился своими мыслями о нем. Павел застыл с запиской в руках, не зная, как это все понимать. Тем не менее, в этой записке было нечто, что произвело на Павла впечатление – ему казалось, что неведомый автор обращается лично к нему (раз уж эта записка попала в его руки!) с каким-то призывом или просьбой о помощи. Удивительным Павлу показался и тот факт, что он второй раз за день слышит о Рильке. Подумав, Павел решил купить эту книгу, тем более, что Рильке в его библиотеке не было.

Он отнес томик на кассу, но продавец, оглядев книгу, сказала, что на книге нет штрих-кода, и она не значится в базе магазина. «К тому же книга не новая, это старое здание! Где вы ее взяли?», – проворчала кассир. Павел недоуменно пожал плечами – странно... Откуда она здесь взялась? Кто-то принес и поставил? Зачем? И зачем в книгу вложили записку? Павел отнес книгу к стеллажу, где она раньше стояла, и поставил ее обратно на полку. Записку же Павел забрал с собой.

По пути домой он зашел в кофейню и, попивая крепкий двойной, несколько раз перечел записку. Стихотворение

Рильке, переписанное таинственным автором послания, звучало в унисон и с мыслями Павла и с этой поздней осенью. Строки горчили, как слишком крепкий кофе, но в них была и светлая печаль и правда предельного одиночества. Павел понимал, о чем говорил немецкий поэт – да, одиночество звезды, пять океанов одиночества... Примерно то состояние, что сейчас ощущал и он сам в этой кофейне с видом на серую Фонтанку. В конце концов, можно сидеть в кафе в центре Петербурга и чувствовать себя таким же одиноким, как на необитаемом острове где-нибудь посреди океана.

Он закурил, и тут же поймал укоризненный взгляд бармена. Вспомнив, что в России ввели запрет на курение в «общественных местах», Павел затушил сигарету. Что подделаешь, – он недавно вернулся в Россию после восьми лет жизни в Германии, и еще не привык к тому, что здесь теперь отчаянно стремятся устроить как «в Европе». Он вообще пока ко многому здесь не привык, или вернее сказать – многого не узнавал.

...После учебы в университете, Павел почти сразу уехал работать в Германию – ему хотелось попробовать себя в профессии, и да, – сделать карьеру.

В «новой версии пространства» нужно было постоянно, как говорят в социальных сетях «обновлять статус», и яростно доказывать себе, работодателям, и всему миру, что ты можешь, что ты интересен и актуален. Бешеный темп жизни, словно беговая дорожка, по которой ты бежишь, – сломалась

— остановиться невозможно; времени на размышления и ностальгию по Родине и прошлой жизни у тебя просто нет. Даже с матерью, оставшейся в Петербурге, за эти восемь лет Павел виделся всего несколько раз: дважды он приезжал в Питер на неделю, дважды мать навестила его в Германии. Неся бремя «единственного сына», он, конечно, переживал, как она там одна, звонил ей чуть ли не каждый день, исправно посылал деньги (за что она на него неизменно обижалась), предлагал ей переехать к нему, но вот приезжать чаще не мог. Ему казалось, что они еще успеют увидеться, что впереди у них долгая жизнь...

Планы и новые профессиональные достижения, карьерный рост, а потом вдруг раздается звонок, и ты становишься «непоправимо несчастен». Известие о смерти матери вырывает тебя с корнем из жизни, какой бы прочной ни была твоя корневая система. Лавиной накрывает отчаяние и боль... И чувство вины — ну да, она немного болела в последнее время, но ничего серьезного, ничего серьезного... Или это она так говорила, чтобы не тревожить тебя?

...Через три дня Павел стоял на Смоленском кладбище у свежей могилы. Все разошлись, оставив его одного. И вдруг оказалось, что все теперь потеряло смысл: успехи, карьера, жизнь. Темнело. Ветер яростно гнал листья. В воздухе витал горький запах костров, — русский запах. Павел почти отвык от него. В висках пульсировала кровь: не успел, ничего не успел, и теперь уже никогда ни позвонить, ни обнять, ни ска-

зять ей спасибо за все, что она для него сделала, и еще – охраняющая сила материнской любви! – сделает. И это запоздалое спасибо застыло внутри ледяным комом. Холодно. Как холодно... Вернувшись с кладбища поздно вечером, Павел слег и заболел. Неделю он провалялся с тяжелой простудой, а когда пошел на поправку, понял, что будет жить в России. Однако нужно было вернуться в Германию, чтобы решить кое-какие вопросы, связанные с переездом.

В Германии все, впрочем, решилось быстро: он уволился с работы, собрал вещи, простился с подругой, с которой они были вместе два года (расстались легко, в один миг – без упреков и обид, как расстаются порядочные люди, когда в их отношениях уже нет любви, или вернее, когда в их отношениях никогда и не было любви), и уехал в Россию, словно закрыл занавес завершившегося спектакля с голубоглазой героиней, исполнявшей роль его подруги (как там ее звали, Гретхен или Брунхильда), разыгранного в декорациях сонного немецкого городка.

И началась его новая жизнь... Пустая квартира в центре Петербурга, где все напоминало ему о матери, и одиночество – пока он жил в Германии, прежние друзья куда-то «разбрелись»: кто уехал из города, кто с головой ушел в свои дела и семьи. Ему нужно было учиться жить в этом состоянии абсолютного одиночества.

И вот – осенний Петербург, серая Фонтанка, какая-то странная записка в руках... Усмехнувшись, он вновь перечел ее, и на сей раз пришел к выводу, что само стихотворение Рильке прекрасно, мысли неведомого автора занимательны, а вот перевод стихотворения оставляет желать лучшего.

Вечером Павел нашел оригинал стихотворения на немецком, и долго вчитываясь в волшебные строки, перекатывая звучные немецкие слова на языке, вдруг почувствовал, что стихотворение можно иначе передать на русском, и неожиданно для самого себя взялся за перевод. Несмотря на то, что прежде он никогда не переводил поэзию (хотя прозу – случалось), это занятие увлекло его. Он продирался сквозь плотную вязь текста, образы и метафоры, мучительно подбирая слова, словно открывал их заново и, наконец, через пару дней, его собственный перевод был готов. Павел переписал его от руки и вечером того же дня, отправился в книжный магазин. Отыскав на знакомой полке ту самую книгу Рильке, он оставил в ней между страниц свой лист с переводом, будто включившись в какую-то странную игру, правила которой ему пока были непонятны.

Когда через неделю он вновь пришел в магазин «проведать» знакомую книгу, его записки с переводом в ней не оказалось. Зато там была новая записка. Некто, поблагодарив

его за перевод, признал, что этот вариант гораздо полнее раскрывает смысл стихотворения, его глубину, и саму суть одиночества. Павел тут же вырвал лист из блокнота и написал ответ, процитировав в нем фразу Рильке об одиночестве в любви. «Lieben heisst allein sein. Любить – значит быть в одиночестве», и добавил, что согласен с Рильке в том, что одиночество – это своего рода гипсовая повязка на душу, которая что-то лечит. Павел вложил свою записку в книгу и ушел.

Через неделю Павел достал из «книжного тайника» – книги, ставшей своеобразным «почтовым ящиком» ответное послание. Его невидимый собеседник на сей раз разразился целым письмом, в котором рассуждал о любви и одиночестве. Читая письмо, Павел улыбался – этот некто, кто бы он ни был, рассуждал изящно и умно и, безусловно, знал предмет рассуждений, иначе говоря, этому человеку было знакомо состояние одиночества.

Так и повелось, – примерно раз в неделю Павел заходил в книжный магазин, выбирал для себя книги, а потом навещал знакомой полке – оставлял свое послание или забирал ответ таинственного собеседника.

Они писали друг другу о разном; иногда это был просто обмен фразами, заключенными в коротенькие записки, иногда они пускались в пространные рассуждения на ту или иную тему. Сначала Павел отчасти смущался этой странной переписки, полагая, что все это несусветная глупость недо-

стойная взрослого мужчины (развели подростковую игру!), но потом успокоился, поняв, что на самом деле причины, по которым он включился в эту игру, вполне понятны. Вернувшись в Россию, он отчаянно пытался найти точку опоры, построить новый мир, а тут вдруг письмо из «ниоткуда» – словно упало с неба; понятно, что это событие удивило его и заставило включиться в диалог. Как бы там ни было, в абсолютном одиночестве его новой петербургской жизни, эти письма стали для него возможностью беседы с тонким, умным собеседником. Кроме всего прочего Павлу было приятно получать рукописные письма, хранящие тепло рук, индивидуальность почерка. Пользуясь электронной почтой, Павел, тем не менее, считал, что постоянно используя клавиатуру, теряя сам навык письма, утрачивая почерк, мы в каком-то смысле теряем свою индивидуальность; ему было приятно писать кому-то письма от руки и получать в ответ такие же «живые», читать их «между строк», обращать внимание на настроение автора, подметив, что здесь буквы с легким завитком, а тут неровные, словно бы в этом месте автор письма волновался.

Естественно, с самого начала Павел задумывался о личности автора писем, пытался его представить. Он почему-то сразу решил, что это женщина. Однажды он даже почувствовал исходящий от письма запах духов (первоклассных, дорогих духов!) и обрадовался тому, что его догадка подтвердилась. Как-то, не удержавшись, он показал одно из писем сво-

ему знакомому, интересовавшемуся графологией: «Что скажешь об авторе?»»

Тот внимательно изучил послание и пожал плечами:

– Женщина. Средних лет. Чувствительная, эмоциональная, но вместе с тем натура сильная и страстная... При этом не слишком уверенная в себе...

– Да-да, – улыбнулся Павел, – все так, как я и думал.

Он, впрочем, старался одергивать собственное воображение: «возможно, я просто перечитал немецких романтиков и развел Шиллера, там, где его нет. Может статься, моей героине лет шестьдесят, и у нее тонна лишнего веса и скверный характер?! А может, это вообще чей-то гнусный розыгрыш?!» Но ничего не поделаешь, – его воображение коварно рисовало красивую, тонкую, светловолосую женщину лет тридцати с детскими запястьями и длинными пальцами. «Как ее зовут? Чем она занимается? – думал Павел. – Что она любит?»

* * *

Она звалась Татьяной, и была тонкой и светловолосой, как и грезилось Павлу, правда, она была чуть старше, чем ему представлялось, – ей было тридцать шесть. Татьяна любила цветы (у нее росли даже самые прихотливые фиалки), театр, кофе, и книги. Да! – еще книжные магазины. Особенно огромный книжный в центре города, где можно было долго потеряться среди бесчисленных книг, а после прийти

в кофейню, расположенную здесь же и, попивая кофе, рассматривать купленные книги. Татьяна считала, что без книг и кофе жизнь была бы скучна и невыносима. Запах кофе, шелест страниц, – как в ее детстве...

...Вначале было слово. Слова разрастались в страницы, страницы – в книги, книги – в эмоции, чувства, жизненный опыт.

Татьяна рано начала проявлять интерес к книгам; еще не умея читать, она ползала у стеллажей отцовской библиотеки и, исследуя нижние полки, брала книги, до которых позволял дотянуться ее рост; по мере взросления, подрастая – она осваивала новые, «высокие» полки. Научившись читать – читала много, запоем; тем более, что вскоре чтение стало еще и возможностью общения с любимым отцом. Отец – профессор, доктор исторических наук, был целиком погружен в работу, и даже выходные проводил, запершись в кабинете. Когда Татьяне исполнилось десять, она добилась у отца разрешения находиться с ним в его рабочие часы в кабинете, пообещав, что будет тихо читать рядом. Так и повелось, – она приходила в отцовский кабинет с какой-нибудь книгой и читала, пока отец работал, погружившись в увесистые тома и кипы бумаг. Иногда отец прерывался, чтобы сварить себе кофе, а Татьяне горячий шоколад, а потом оба снова погружались в свои миры: отец открывал очередную «Трою», девочка – очередную книгу. Несмотря на то, что они занимались разными делами, эти совместные часы объединяли их.

В памяти Татьяны навсегда сохранилось: устойчивый запах кофе, покашливание отца, шуршание страниц, – счастье.

После смерти отца (он умер, когда ей было четырнадцать) его книги в каком-то смысле стали возможностью общения с ним. Татьяна по-прежнему приходила в отцовский кабинет, пролистывала его книги, читала заметки на полях, сделанные его рукой; это был разговор с любимым, близким человеком. В год после смерти отца она много читала, книги помогали справляться с отчаянием. Она испытывала буквально физическое наслаждение, открывая новую книгу, вдыхая запах страниц, слушая их шелест. К десятому классу выбор профессии был для нее определен, – она поступила на филологический факультет. Книги и кофе, музыка и театр, – и больше человеку ничего не нужно для счастья. Вот разве что любовь.

Любовь пришла, когда Татьяне было двадцать. Со своим будущим мужем Сергеем она познакомилась на выставке, посвященной оформлению книг. Она пришла туда движимая интересом к теме выставки, он – потому что был дружен с организаторами. Высокий брюнет лет тридцати подошел к ней и попросил поделиться ее впечатлением о выставке. Татьяна, как человек вежливый, впечатлением поделилась. Затем впечатлениями они делились друг с другом в ресторане, а потом – в супружестве. В их случае все как-то естественно и довольно быстро развилось одно в другое. Притом со стороны Татьяны к будущему мужу не было каких-то страст-

ных чувств, скорее – симпатия, доверие, главное – он казался ей похожим на ее обожаемого отца (вероятно – интеллект, серьезностью, тем, что он был много старше ее). Позже, спустя несколько лет Татьяна поймет, что никакого сходства между Сергеем и ее отцом нет, и что-то в ее отношении к мужу навсегда изменится.

Закончив филфак, она не стала работать по специальности. Сергей считал, что она должна сидеть дома и вести домашнее хозяйство: «сиди дома, готовь мне обеды, читай книжки». И Татьяна, как примерная жена, последовав его желанию, много лет просидела дома: пироги, обеды, фиалки и книги. Со временем Сергей стал большим руководителем. К серьезной должности прилагались ответственность, частые командировки и молодая, красивая секретарша. Сергей все чаще приходил домой поздно, за полночь, и если сначала – с виноватым лицом, то потом – как ни в чем не бывало. В последнее время они жили, словно каждый на своем острове. Татьяна знала, почему Сергей от нее не уходит – он благодарен ей за то, что в свое время она не ушла от него, узнав, что у него не может быть детей. Тогда, десять лет назад, она сказала ему, что они будут жить друг для друга, и муж благодарно сжал ее руку. И вот теперь он не уходит от нее из-за чувства благодарности. Эта его благодарность с годами стала удавкой на шее и для нее и для него, но на развод оба не могли решиться. Татьяне бы уйти самой, но страх одиночества и сила привычки останавливали, и поэтому –

ужин из трех блюд, безупречно выглаженные рубашки мужа, и четкое правило не устраивать никаких сцен. Их с мужем параллельное одиночество во времени – вот чем стала для Татьяны ее семейная жизнь. Однажды Татьяна прочла роман о героине, которая считала себя книгой, забытой кем-то на скамейке в парке, и сочла, что это про нее. Она и есть такая книга, которую никто никогда не раскрывал. Ее муж даже не догадывался о том, что это можно сделать.

Но ведь было в ее жизни что-то еще, кроме неудавшегося брака?! Было. Книги, и с некоторых пор – странные письма...

История с письмами началась именно с книг. Подумав, что книги можно не только читать (не зря в мире существует столько ролевых игр, созданных по мотивам любимых книг), Татьяна пару лет назад заинтересовалась буккроссингом – «путешествием книг». Ей понравилась сама идея игры – любой желающий мог «выпустить» в мир свою книгу, оставив ее в кафе, в парке, в магазине – где угодно, затем разместить информацию об этом на специальном сайте, и впоследствии отслеживать перемещения этой книги по свету – ее путешествие «из рук в руки». С помощью буккроссинга Татьяна отправила в путь несколько книг – так ее Платонов уехал на Урал, Кафка в итоге оказался в Иркутске, а ее любимица – писательница Тэффи отправилась в Прагу («хорошо ей там гулять по мощеным пражским улочкам!»). Татьяне было ин-

интересно отправлять книги, словно письма и следить за их судьбой (ведь у каждой книги, как у человека, собственная судьба), но потом ей захотелось придумать какую-то свою игру, нечто оригинальное. Она подумала, что если с помощью буккроссинга книга может быть письмом в каком-то косвенном смысле, то почему бы не сделать ее письмом в буквальном смысле? Скажем, написать письмо кому-то, кого ты не знаешь и, вложив его в книгу, отправить в «никуда»? А попадет ли оно кому-нибудь в руки, или останется непрочитанным, пусть распорядится судьба.

Решив оставить книгу с запиской в каком-нибудь месте, к выбору книги Татьяна подошла серьезнее, чем к выбору платья. Она долго изучала свою библиотеку и, наконец, остановилась на томике немецкого поэта Рильке, когда-то подаренного ей отцом. Татьяна обрадовалась Рильке как старому другу. Его стихами она зачитывалась в юности, Рильке боготворил ее отец. И хотя Татьяне было жаль расставаться с этой книгой, она выбрала именно ее. Подумав, она решила оставить книгу в любимом книжном магазине, на каком-нибудь укромном стеллаже. В книжном она долго бродила среди отделов в поисках тихого уголка, куда не часто заходили посетители, и в итоге нашла раздел редких книг, где не было суеты и шума, и куда заглядывали лишь истинные библиофилы. Написав на листе бумаги строчки из любимого стихотворения Рильке и свои, связанные с ним, мысли о жизни, любви, одиночестве, благодарности, она вложила записку в

книгу, как письмо в бутылку, потерпевший кораблекрушение моряк, и отправила ее в плавание – поставила на полку.

Вернувшись в магазин через неделю, чтобы проверить книгу, Татьяна нашла записку на той же странице. Через неделю она снова зашла в магазин и увидела, что записка по-прежнему в книге. Когда история повторилась и в следующий раз, Татьяна, махнув на все рукой: «ах, Боже мой, какая дурацкая затея, придет же такое в голову, честное слово!», перестала заходить в книжный. Через месяц, придя в магазин, чтобы купить новые книги, она все же уговорила себя проверить на месте ли ее записка и, открыв книгу, увидела, что записки нет. А через несколько дней Татьяна обнаружила в книге ответное послание.

Так начался ее роман в письмах. Сначала это были, скорее, записки, но постепенно они стали прорастать в письма, причем от письма к письму тон менялся, становясь все более доверительным. Татьяна сама не заметила, как привыкла к этой «книжной почте». Каждую субботу она спешила в книжный магазин за письмом невидимого собеседника, а потом всю неделю обдумывала ответ незнакомцу (с самого начала она была уверена в том, что ведет переписку с мужчиной – общий ход рассуждений незнакомца, его логика, образ мышления говорили об этом). По мере развития их эпистолярного романа, она в какой-то момент поняла, что часто мысленно разговаривает с незнакомцем, рассказывает ему об удивительной новой книге, прочитанной ею на этой неде-

ле, о концерте, на котором она вчера побывала, о спектакле любимого театра. В ней накопилось так много невысказанного, что всем этим было необходимо с кем-то поделиться; что еще важнее – теперь она стремилась наполнять свои дни впечатлениями и событиями, чтобы о них потом можно было рассказать ему. А самое главное, ей хотелось открыть ему то, о чем она никогда никому не рассказывала, о том, что болело внутри. Однажды она написала ему (коротко, буквально пара фраз – как тяжелый, невольно вырвавшийся вздох) о том, что ее жизнь пуста, и напоминает бесконечный сон, от которого ей хочется очнуться, и полушутя-полусерьезно спросила, как ей «проснуться»; в ответ он написал, что ему всегда казалось, что лучший способ «проснуться» – решиться сделать то, чего ты хочешь больше всего на свете. «Просто осмелиться и разрешить себе это. Правда, понять чего ты действительно хочешь – сложно...»

В тот день, думая о его словах, она долго гуляла по городу. На улицах было ветрено и промозгло, но возвращаться домой она не хотела. Ей хотелось долго идти по набережным, – мерить траекторию петербургских рек шагами в отчаянной попытке уходить тоску. «Понять, чего ты действительно хочешь...» Она давно бьется как рыба об лед, об пустоту своей жизни, и все чего-то ждет... Но теперь она больше не может ждать, и отчаянно хочет изменить свою жизнь, найти себя.

Фонтанка, Мойка, Нева... И в обратном порядке: Нева, Мойка, Фонтанка... Татьяна сама не заметила, как ноги при-

вели ее к старому зданию школы, в которой она когда-то училась. Остановившись у школьных ворот, она отыскивала глазами те самые окна на втором этаже. В кабинете русского языка и литературы горел свет. Татьяна смахнула с глаз слезы. «Не знаю, почему, но благодарность всегда слезами светлыми течёт...»

Больше всего на свете ей сейчас хотелось сказать спасибо одному человеку...

Татьяне было четырнадцать, когда в их школе появилась новая учительница русского языка и литературы. Звали ее Людмила Терентьевна, правда, школьники тут же окрестили ее мымрой. Она действительно была вылитая мымра: сухая, сутулая, как гневный знак вопроса, обращенный ко всему миру, узкие губы презрительной ниткой, очки в тяжелой оправе с толстыми стеклами, волосы зачесаны в старушечий пучок – существо без пола и возраста, презиравшее все женские ухищрения (круглый год она ходила в одних и тех же старомодных туфлях и неизменном синем костюме). При этом характер у нее был не приведи Господи – раздражительная, надменная, до жути уверенная в своей правоте, – невыносимая. Но странное дело – ее сухость, надменность, все неприятные человеческие качества отступали на второй план, когда она говорила о литературе. Ах, Боже мой! Как она рассказывала о книгах, писателях и поэтах, и как она читала стихи в какой-то особенной – гипнотической мане-

ре! Именно она привила Татьяне литературный вкус; солнце Толстого, гром Достоевского, улыбка доктора Чехова, антоновские яблоки Бунина – на мымриных уроках Татьяне открывались целые миры; кроме всего прочего учительница разрешала писать сочинения на вольные темы и никогда не снижала оценку за «собственное мнение». Литература долгое время была любимым предметом Татьяны, но в десятом классе у них с мымрой вышла размолвка...

В тот день у Татьяны разболелась голова, и она впервые не смогла написать сочинение. Татьяна никак не ожидала, что в ответ на ее просьбу сдать сочинение на следующем уроке, мымра взорвется и наговорит ей много обидного. Ничего не поделаешь – характер! Татьяна потом долго рыдала в школьном туалете – в душе занозой застряла обида. С того дня она перестала слушать мымру «открыв рот», как прежде...

Спустя годы, уже давно окончив университет, Татьяна встретила постаревшую мымру на автобусной остановке, и то ли просто смутившись, то ли из-за какого-то застарелого ученического страха, а, может, из-за прежней обиды, вдруг отвела взгляд, сделав вид, что она ее не заметила. Между тем, учительница узнала ее и как-то вскинулась – все глядела, ждала, что бывшая ученица подойдет к ней, и даже когда Татьяна вскочила в подошедший автобус, смотрела ей вслед. Прошло еще несколько лет. Как-то на улице Татьяна случайно столкнулась со своей одноклассницей Ольгой, и среди прочих новостей и сплетен Ольга рассказала, что видела

недавно мымру, и что та особенно интересовалась Татьяной, сказав, что Татьяна была ее любимой ученицей. «Я?» – изрядно удивилась Татьяна (ей как-то не приходило в голову, что у мымры в принципе могут быть симпатии, казалось, что она относилась ко всем с одинаковым презрением). Татьяна почему-то спросила у одноклассницы о семье учительницы литературы, и Ольга рассказала, что у той был сын – инвалид с рождения, он долго болел и умер, и после его смерти мымра осталась одна.

В прошлом году, разбирая старые бумаги, Татьяна наткнулась на свою чудом уцелевшую школьную тетрадь с сочинениями по литературе. Татьяна перелистала страницы и годы, и память начала наматывать воспоминания на острые спицы. Вспомнилась мымра, ее удивительные уроки, которые для Татьяны – потерянного после смерти отца, замкнутого подростка были глотком свежего воздуха, окном в прекрасный мир, и что-то защемило у Татьяны внутри, какая-то запоздалая, со дна души всколыхнувшаяся благодарность. Вспомнилась ей и та нелепая встреча на остановке, растерянный взгляд учительницы, когда та поняла, что ее бывшая ученица не подойдет к ней.

Стыд ядом разливался в душе Татьяны, и она решила пойти к Людмиле Терентьевне, чтобы поблагодарить ее за все. Татьяна позвонила своей классной руководительнице, попросила у нее адрес мымры и услышала в ответ тяжелый вздох: «Людмила Терентьевна умерла полгода назад. Сер-

дечный приступ...» И все. Некому сказать спасибо. Простите меня, Людмила Терентьевна – повторить сто раз, но легче не станет...

Окна старой школы светили Татьяне, будто здоровались с ней: «как же, помним многое, и тебя помним...» Она постояла еще немного у школьной ограды и пошла домой. Ее рука в кармане пальто касалась лежавшего там письма, в котором незнакомый человек, так удивительно быстро ставший ей близким, советовал не бояться исполнить главные желания.

На следующий день, поняв, что из двух ее главных желаний родилось одно решение, Татьяна сообщила мужу, что хочет устроиться на работу.

– Куда? – изумился муж.

– В школу. Учителем русского языка и литературы. – И видя, как изменилось его лицо, она добавила, словно защищаясь, – все-таки у меня филологическое образование.

Муж усмехнулся: – А зачем, Таня? Что ты ожидаешь там увидеть?!

Татьяна пожала плечами: – Детей!

...Учебный год давно начался, свободных вакансий почти не было, и Татьяна смогла устроиться только в школу на окраине города (сорок минут на метро от ее дома).

– У нас тут не гимназия, а самая обычная школа! – сказала директор школы, увидев ее диплом. – Справитесь?

Татьяна кивнула: – Справлюсь.

...В реальности все, конечно, оказалось не так, как она себе представляла. А, кстати, как она представляла? Что вот она придет в класс и увидит ищущих смыслов, жадных до знаний, юных людей? Да-да, примерно так... А она будет жечь глаголом их сердца, учить их читать и любить книги.

Она возненавидела свою работу через месяц, поняв, что ее рассказы ученикам не интересны, что дети сейчас вообще мало интересуются литературой, и им не нужно то, что она хотела бы и может им дать. Они ее не особенно и слушали. Разве что смешной мальчик с оттопыренными ушами с задней парты, Петя Смирнов из девятого «а», иногда задавал ей парадоксальные и совсем не детские вопросы. Несколько раз она даже подумывала об увольнении, но считая это слабостью – и двух месяцев в школе не выдержала! отсекала эти мысли, и продолжала работать, возможно, из какого-то внутреннего упрямства; она уговаривала себя продержаться хотя бы до конца учебного года, и по-прежнему готовилась к каждому уроку, как к важному экзамену.

Зима засыпала сонный город снегом. На смену январю наступил столь же снежный, холодный февраль. И хотя этой зимой в жизни Татьяны было много «метели» («метелью» она называла собственные неприятности: сложности в школе, физическую усталость от работы, отчуждение мужа), все-таки теперь в ее жизни была какая-то наполненность и смысл;

и было нечто, что поддерживало ее — письма незнакомца.

* * *

Павел, конечно, думал о возможности встречи с незнакомкой в реальной жизни, но пока не решался ей это предложить. Ему и хотелось увидеть ее, и в то же время было страшно разрушить их прекрасную, странную связь грубой материализацией в реальности — вот они увидят друг друга и, однако, что потом? Если она окажется другой?

Между тем, ее письма становились все более доверительными; он уже научился чувствовать ее настроения, читая между строк. Иногда ее письма сочились грустью, и он понимал, как, в сущности, одинока его собеседница. В одном из писем она написала, что ее жизнь похожа на сон, и призналась, что она надеется когда-нибудь проснуться для настоящей жизни. За этими скухими строчками чувствовалась трагедия ее жизни, и Павлу хотелось как-то помочь ей. С некоторых пор он, памятуя о том, что их знакомство началось с «Сонетов к Орфею», стал называть незнакомку Эвридикой; к тому же ему казалось, что это имя как нельзя лучше подходит той, кто, как она сама признается, ожидает спасения, «пробуждения к жизни». А вскоре он нашел еще одно подтверждение тому, что их история в каком-то смысле напоминает оживший миф об Орфее и его возлюбленной.

Сделав перевод стихотворения Рильке из первой записки незнакомки, Павел всерьез увлекся литературными переводами. Придя к выводу, что хороших переводов Рильке не так много, Павел, за последующие три месяца, перевел многие его стихотворения – хватило бы на небольшую книгу. Несколько своих переводов он показал знакомому редактору крупного издательства, и вскоре Павлу предложили перевести сборник современной немецкой поэзии. Потом поступили заказы из двух журналов на переводы Рильке. Павел был счастлив – еще никогда он не получал от работы такой радости; он решил заниматься исключительно литературными переводами, чтобы открыть русским читателям лучших немецких поэтов и писателей.

Понимая, что это призвание открылось в нем благодаря общению с незнакомкой (в конце концов, все началось с ее записки!), Павел был ей несказанно благодарен. Именно она помогла ему осознать собственное предназначение и найти себя. Однажды он даже с улыбкой подумал, что таинственная Эвридика заставила его «зазвучать», открыла в нем Орфея.

Все чаще он думал о том, что им нужно встретиться. И хотя он несколько боялся встречи, предчувствуя, что она может опрокинуть всю его жизнь, влечение к незнакомке, желание помочь ей и благодарность к ней – звучали в нем все настойчивее.

В одном из писем он заметил, что в нашей жизни мало счастья, но много маленьких радостей. Татьяне так понравилась эта фраза, что отныне она старалась каждый день дарить себе какую-то «маленькую радость»: театр, концерты, любимый десерт, умопомрачительный парфюм с запахом ириса, хорошее вино, согревающее в холодный зимний вечер, новые туфли цвета радости и солнца («я всегда хотела купить желтые туфли! А в таких туфлях только идти навстречу счастью!»). В конце концов, именно «маленькие радости» помогают нам выстоять в «метели».

...Иногда она думала о встрече со своим невидимым собеседником в реальной жизни, но старалась не давать ходу этим мыслям; она страшилась всего – разочароваться, разочаровать, обидеть мужа, обрушить свою постылую, но такую привычную жизнь; и когда в последнем письме незнакомец вдруг предложил ей встретиться, Татьяна растерялась, не зная, что ему ответить.

Она зашла в кафе дома книги, заказала кофе и несколько раз перечла письмо. Потом она долго смотрела в окно на шумный Невский проспект. «Встретиться с ним, или отказаться от встречи, но тогда как жить дальше?» Она еще не знала, как поступить. И все-таки к ее волнению и растерянности примешивалась и радость – он хочет встретиться с

ней, значит, их письма важны для него, так же как для нее.

Выйдя на улицу, она зажмурилась от яркого солнца и неожиданно поняла, что в городе что-то изменилось. Солнце припекало, и оживленно, словно спохватившись, голосили птицы. А у метро предприимчивые торговцы уже продавали охапки желтой мимозы, готовясь к предстоящему «женскому празднику». В воздухе пахло весной.

Весна для Татьяны началась седьмого марта, когда в школе, после уроков к ней вдруг подошел Петя Смирнов из девятого «а» и, протянув ей цветок – чахлую гвоздику, неловко, но с такой искренностью, что у Татьяны внутри все запылало от слез, сказал: – Спасибо вам... Вы очень интересно рассказываете. У нас многие любят ваши уроки.

Татьяна сидела одна в пустом классе и плакала, глядя на скромную гвоздику, которая была для нее дороже всех цветов мира. «Не знаю, почему, но благодарность всегда слезами светлыми течёт...» А потом она почувствовала такое облегчение, будто с ее души упал камень. Татьяна поняла, что сегодня – через это Петино спасибо, она смогла поблагодарить свою умершую учительницу.

...В тот же вечер она решила принять предложение незнакомца и встретиться с ним, о чем и написала ему в письме. Утром, восьмого марта, собираясь в книжный, чтобы отнести письмо, она волновалась, словно бы уже шла на свидание. Увидев на термометре плюс пятнадцать, она обрадова-

лась и оделась совсем по-весеннему: легкий бежевый плащ, яркий платок и те самые новые желтые туфли на высоких каблуках. Ей хотелось идти по тротуару легко и красиво, цок-кая каблуками – навстречу счастью и новой весне.

Увидев, что книги нет, она застыла с письмом в руках. Татьяна поискала томик Рильке на соседней полке, но книги не было и там. Сердце упало: «Должно быть, что-то случилось... Но что? И как теперь быть?» В ней будто что-то погасло. Она положила письмо в сумочку и ушла из магазина.

Выйдя на улицу, она увидела, что солнце скрылось. Подул сильный ветер, и стало понятно, что весна пока не спешит. Татьяна мгновенно озябла; туфли отчаянно натирали ноги. На набережной она остановилась и разорвала свое письмо. Сильный ветер подхватил кусочки бумаги и понес их над рекой.

* * *

В начале марта Павел написал письмо, в котором спросил свою собеседницу, не пора ли им увидеть друг друга. А через несколько дней после того, как он оставил это письмо в книжном магазине, Павел вдруг забеспокоился: что, если, захотев увидеть незнакомку, он, подобно Орфею из мифа, ее потеряет? Ну, если не в мифологическом смысле, то в каком-то житейском – возможно, его предложение встретить-

ся смутит ее, напугает? Или вообще может случиться что-то непредвиденное? Подумав, он написал ей еще одно письмо, в котором благодарил ее за то, что с ее появлением в его жизни появился смысл, радость, вдохновение, и признавался, что благодаря ей впервые за долгие годы он живет полнокровной, подлинной жизнью.

Увидев, что книги нет, Павел заволновался и стал искать ее. Но книги не было. Словно не было никогда. Словно вся эта история с письмами лишь приснилась ему. Он не знал, что и думать. «Может, я сделал что-то не так, как Орфей, оглянувшийся на Эвридику? И предложив ей встретиться, нарушил какое-то негласное правило и навсегда потерял ее?!»

Павел не знал, что книгу Рильке сегодня утром унес с собой высокий бледный незнакомец (он снял ее с полки уверенным движением и спрятал в карман своего черного плаща, тем самым закончив очередную историю Орфея и Эвридики в их бесконечной череде); Павел не мог знать, и что вскоре после того, как некто в черном плаще ушел, у этого стеллажа появилась светловолосая женщина с красивым, чуть усталым лицом, и что, потянувшись к полке, она тревожно замерла на мгновение, а потом на ее лицо набежала тень отчаяния. Павел не мог видеть, как она вышла из книжного магазина на шумный Невский проспект и побрела в людском потоке, который тут же поглотил ее.

Павел сжимал в руках свое письмо. Невысказанная благодарность жгла сердце. В голове, как наваждение крутились строки Рильке:

«Однажды.

Все только однажды. Однажды и больше ни разу.

Мы тоже однажды. Но это

Однажды, пускай хотя бы однажды,

Пока мы земные, наверное, неотвратимо...»

Он знал, что будет искать ее, как Орфей Эвридику, чтобы однажды найти.

* * *

Зная, что рано или поздно, в этой жизни или за ее пределами, эти двое обязательно встретятся, я благодарна Тому, Кто из века в век направляет влюбленных навстречу друг другу.

Саша навсегда

Из сборника рассказов о первой любви (изд-во Эксмо).

Среди своих детских фотографий я особенно люблю ту, на обороте которой маминой рукой написано: озеро Еловое, Лесе – десять лет. Леся – это я. Красный сарафан, растрепанные волосы и особенная улыбка – счастливого, влюбленного человека. Ту Лесю и меня – сегодняшнюю, разделяет целая вечность, и даже страны, в которой жила та девочка, больше нет ни на одной карте, и все же, глядя на эту фотографию, я могу легко перемахнуть через разделяющую нас вечность, через все свои январы и июли, и – вернуться в ту страну и в то удивительное лето.

...Итак, мне десять лет, я живу на Урале, и этим летом мама, устав от моих бесконечных ангин, привезла меня лечиться в детский санаторий.

Несмотря на то, что санаторий оказался хорошим (чистый, звенящий воздух, вековые сосны и ели, рядом чудесное озеро Еловое), в первые дни по приезду я отчаянно скучала. С утра я ходила на дурацкие процедуры, предписанные врачом, а потом сидела в нашем номере с книжкой в руках. Мне очень хотелось поскорее завести друзей и проводить время не в душном номере, а в лесу, на озере, с веселой

компанией, однако познакомиться с кем-то из сверстников я здесь пока не успела.

На третий день, одурев от одиночества и скуки, я взяла ракетки для бадминтона, вышла на дальнюю санаторскую аллею и стала играть в бадминтон сама с собой, при этом вторая ракетка сиротливо лежала рядом на траве. Вскоре проходивший мимо мальчишка моего возраста предложил играть вместе. Ракетка пружинила, воланчик взмывал в небо – вверх-вниз, мы с моим новым знакомым о чем-то переговаривались, смеялись, и вдруг... Мальчишка, не рассчитав сил, так подкинул воланчик, что он в итоге оказался на дереве и завис на ветках, примерно на высоте второго этажа. Мой партнер по бадминтону подбежал к дереву, покрутил головой, пожал плечами и... быстренько смылся, предоставив мне самой разбираться с возникшей проблемой. Он – то убежал, а я осталась стоять с глупым видом – ведь ракетки с воланчиком я одолжила у маминых знакомых и их надо было вернуть! Бездна моего отчаяния была беспредельной. К отчаянию примешивалась и обида на сбежавшего «героя» – как так, оставил женщину в трудной ситуации, а сам сбежал?! И вот – стою под деревом, не то, чтобы рыдаю, но уже близко к этому...

И тут... появился ОН! Невысокий, худой, светлоголовый, вихрастый, очень серьезный. По виду – мой ровесник. Незнакомец подошел ко мне и нарочито безразлично, сплунув через плечо для важности, спросил: – Чо случилось?

Я ракеткой махнула вверх, указав на белеющий среди веток воланчик. Серьезный пацан кивнул и тут же полез на дерево. Забравшись наверх, он сбросил мне воланчик, прыгнул вниз и ушел – не стоит благодарностей! А я еще долго смотрела ему вслед. Герой пришел из ниоткуда и ушел в никуда – скрылся за горизонтом (возможно, чтобы спасти кого-то еще!) В моих глазах он уже был Д-Артаньяном (хотя мне всегда больше нравился благородный Атос), себя же я видела спасенной королевой, которой вернули ее подвески.

Мне хотелось продолжить знакомство со своим спасителем и отблагодарить его. В поисках незнакомца я исходила весь санаторий, и к вечеру нашла героя. Я подошла к парню, назвала свое имя, мы познакомились. Выяснилось, что звать его Сашей, и что сюда он приехал со своей бабушкой. Мою благодарность Саша воспринял со сдержанной иронией, пожал плечами: да ну делов то, ерунда! и закрыл тему, предложив поиграть в «ножички».

Потом мы самозабвенно резались в «ножички», вонзая Сашин перочинный нож в землю и кромсая ее, потом высекали из асфальта искры специальным камнем (этот камень в моем детстве считался волшебным и назывался камень-сверкач), после чего побежали на озеро – пускать блинчики по воде, затем придумали что-то еще. Мой новый знакомый с радостью отзывался на любое мое предложение и сам подавал удивительно толковые, дельные идеи. В тот день мы играли до чернильной темноты, пока нас не позвали спать. А

наутро, не сговариваясь, встретились на том же месте, и снова были вместе до звезд и родительских окриков. За один день наше знакомство выросло в настоящую, большую дружбу. В детстве так бывает.

И началась счастливая летняя вольница. Искушенные комарами, исцарапанные, со сбитыми коленками (куда – то мы все лезли, прыгали, расшибались в неугомонной жажде все разведать, объять), дни напролет мы проводили, так и просится сказать – на воле, исследовали окрестности, бегали в лес, на озеро. К тому времени мы с Сашей уже перезнакомились со всеми санаторскими ребятами и играли с ними в наши любимые дворовые игры: в войнушку, вышибалы, пятнашки, «глухой телефон», «горячую картошку» и в «три мушкетера».

...Невольно думаю, что советские дети, у которых был свой особенный мир – дворов и улиц, в определенном смысле счастливее современных детей. Мы – дети Советского Союза, проводили детство во дворах, предоставленные сами себе. Двор был нашей вселенной, здесь складывались дружбы, зарождались первые влюбленности, разыгрывались шекспировские страсти (Андрюха бросил Наташку и теперь «ходит» с Катей из шестого «а», вот это дааааа, ну вообще! А Серега с Димкой подрались из-за Оксаны, а она пошла в кино с Мишкой!). Во дворах мы выросли, набирались опыта, постигали жизнь с ее радостями и жестокостью, со всем прекрасным и ужасным, что в ней есть. Мне кажется, что совре-

менные дети со всеми их кружками, секциями и репетиторами, отгороженные от реального мира огромным компьютерным экраном, лишенные опыта дворовой школы жизни, обделены той радостью общения, что была у нас. (Хотя, наверное, в заменивших дворы социальных сетях также складываются дружбы на век, кипят нешуточные страсти, и кто-то говорит кому-то «главные слова»...)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.